

УДК 821.811.17

DOI: 10.25688/2619-0656.2019.13.04

**МЕЖДУ ЛИТВОЙ И АМЕРИКОЙ:
ТЕКСТЫ И КОНТЕКСТЫ
ЛИТОВСКО-АМЕРИКАНСКИХ АВТОРОВ**

**BETWEEN LITHUANIA AND AMERICA:
TEXTS AND CONTEXTS
BY LITHUANIAN-AMERICAN AUTHORS**

Жидроне Колевинскене
Университет Vytautas Magnus,
Вильнюс, Литва

Žydronė Kolevinskienė
Vytautas Magnus University,
Vilnius, Lithuania

Аннотация

В статье при обсуждении проблематики идентитета в современной литовской эмигрантской литературе в качестве опорной точки выбрана трехчленная структура: *земля, язык, история*. Проблематика идентичности и эмигрантский опыт раскрываются в текстах на английском языке, написанных американскими авторами литовского происхождения — Руттой Шпяйтис, Бируте Путриус, Антанасом Шилейкой и др. Основной контекст — роман Эптона Синклера «Джунгли».

Ключевые слова: современная литовская литература, проблематика идентичности, эмигрантский опыт, Эптон Синклер.

Abstract

In nowadays world the issue of mature modernity and similar personal identity remains of great significance. The research is dedicated to the American-born authors and authors of Exodus. In today's world, the real and the made-up Lithuania is both meaning and value for the identity of these writers. The American-born authors often name the relationship with Lithuania only as a symbolic construction determined by the values of its reference field. However, this bond is vitally important and guarantees the continuity of nature in the world of crumbling meanings and splitting identities. In this case, the research focuses on a recently emerged phenomenon — the literature about Lithuania and its

culture, history written in the English language. Authors of Lithuanian origin writing in English began speaking (and telling) about their cultural roots (Julija Sukys, Lina Žilionytė, Daiva Markelis and others). The authors, who do not speak Lithuanian (the language of their parents), have approached the problem of the deepest valuable component of national identity, that of the language. A single, pure and national identity is replaced with formation of several, intersecting complementary cultures — a hybrid identity. The structure of national values of writers in a language other than Lithuanian is replaced with the new (most often English) language, which opens up new cultural possibilities, but limits the traditional ones.

A three-segment structure of national values — *land, language, and history* — can be used as a reference point when discussing the problems of identity in contemporary Lithuanian émigré literature. The problematics of identity and emigrant experience are revealed in texts written in English by North American authors of Lithuanian origin, such as Ruta Sepetys, Birute Putrius, Antanas Sileika and others. A novel *The Jungle* (1906) by Upton Sinclair serves as the main context. The book, which made the author world-famous, tells the story about life of Chicago workers, an ordinary Lithuanian family which immigrated to the United States at the beginning of the 20th century.

In order to find and re-establish his or her inner center, an immigrant has to make an important choice. Contemporary Lithuanian émigré literature testifies that this center has not yet been discovered or identified. The country and home that émigré writers left behind are alien to them, however, a foreign land has not yet been domesticated. Therefore, very often a slightly romanticized emigrant idyll is replaced by a complaint, discontent, and disappointment. The myth of a good life collapses both in its own and in a foreign country.

Key words: contemporary Lithuanian literature, the problematics of identity, emigrant experience, Upton Sinclair.

Введение. Целью статьи является изучение проблематики идентитета в современной литовской эмигрантской литературе. **Материал исследования** — романы литовско-американских авторов.

Литовцы — это один из тех малых народов, выходцы из которого рассеялись по всему миру. В истории Литвы были периоды, когда по разным причинам возможности эмиграции ограничивались и — следовательно — количество эмигрантов уменьшалось. Историки указывают, что с конца XIX в. Литва была и остается восточноевропейским государством, которое дает миру наибольшее (пропорционально населению страны) количество эмигрантов. Но надо сказать, что литовская миграция всегда была неотъемлемой частью международных миграционных процессов в Средней и Восточной Европе. Однако положение литовцев не сильно отличалось от положения представителей других народов-иммигрантов: про-

цессы адаптации, закрепления в чужой стране, сохранения национальной идентичности, ассимиляции и др. были очень похожи во всех национальных группах эмигрантов.

С первой волной литовской эмиграции, которая началась в середине XIX в. и продолжалась до 1914 г., страну покинули около 250 тысяч человек [Эйдинтас: 64–65]. Большинство эти люди были малообразованными и, оказавшись в Америке, работали на угольных шахтах Пенсильвании, чикагских бойнях или городских предприятиях (чаще всего в чесальных и ткацких цехах) восточной части США [Truska: 71–85].

Вторая волна, не столь многочисленная, пришлось на период первой литовской независимости (1918–1940). Люди уезжали из страны в основном по экономическим причинам. Большинство из них в итоге оказались на кофейных плантациях в джунглях Бразилии.

Третья волна эмиграции хлынула с окончанием Второй мировой войны. Согласно подсчетам, количество перемещенных лиц (англ. “displaced persons”) превысило 60 тысяч человек, и основная их масса осела на восточном побережье Америки. Крупнейшим центром литовской эмиграции в этом регионе стал Чикаго, который и сегодня называют второй литовской столицей.

Сегодня можно говорить о четвертой волне эмиграции, которая продолжается почти 30 лет. Она представлена теми, кто уехал из Литвы уже после 1990 г. Это, несомненно, экономические эмигранты, рассеявшиеся по крупным городам США, Великобритании, Норвегии и других европейских стран. В последние годы процесс эмиграции заметно активизировался, и сегодня никто не может назвать точное количество литовских граждан, покинувших свою страну.

Методология. Э. Гидденс говорит, что создание последовательных историй — это спасение себя от чувства бездомности [Giddens]. Именно работы Э. Гидденса об идентичности определяют теоретические основания данного исследования. Другой важный теоретический подход — социология литературы. Литературное поле как «социальное пространство» — центральный термин П. Бурдьё [Бурдьё].

По мнению литературоведа Мариюса Шидлаускаса, малую литературу малой страны можно оценивать только скептически: «Литовская литература, хронически запаздывающая, плетется где-то на периферии. Однозначно. У нас нет фигур мирового уровня (кроме, может быть, Т. Венцловы). Статистика ее переводов на иностранные языки ничтожна (и нет никакой ни стратегии, ни тактики), ее информационная поддержка оставляет желать лучшего, она более чем скромно представлена в иноязычных энциклопедиях и справочниках. У нас нет лауреатов престижных литературных премий, что уж говорить о нобелиатах. На международные фестивали ездят только избранные (да и тех единицы), выбор которых определя-

ется не их значением для родной литературы, а их личными связями и т. д. и т. п.» [Šidlauskas]. Но у того же М. Шидлаускаса есть и оптимистические утверждения: «Литовская литература находится там, где она и должна быть. У нее свое место в одном ряду с другими восточноевропейскими литературами: эстонской, латышской, польской, чешской, словенской и венгерской. А как некомплексующая часть мировой литературы, она стоит в том же ряду, что и американская, немецкая, французская, русская, китайская и т. д. литературы» [Šidlauskas].

Основная часть. Литовский литературный контекст меняется по мере роста масштабов эмиграции: растет как количество текстов, создаваемых за пределами страны, так и их осмысление в литературной критике. Все большее значение получает опыт, полученный за пределами страны. С одной стороны, это опыт постижения новых / других культур, а с другой — этот опыт позволяет осмыслить собственную (литовскую) идентичность, рассматривая ее отражение в американском и западноевропейском «зеркала».

Чтение современных литературных текстов, размышление о них и выявление важнейших контекстов неизбежно приводит нас к необходимости определить место литовской литературы, создаваемой за пределами Литвы и уже не на литовском языке. Это все еще литовская литература или уже американская? Или и (не) та, и (не) другая? Как сегодня писать историю литовской литературы, какие тексты она в себя включает?

Тексты художественной литературы чаще всего подразумевают несколько контекстов. Эти контексты зависят от опыта читателя / слушателя, его способности обнаруживать внутренние связи текстов.

1. «Джунгли» Эптона Синклера как претекст.

В тематическом отношении основным контекстом для литовских писателей последних волн эмиграции стал роман американского писателя и журналиста Эптона Синклера «Джунгли» (*The Jungle*). Это книга о самоидентичности страны, о том, как возникла Америка. Один «миф о происхождении» — ковбойский, или миф о диком Западе, другой вариант — «Джунгли» [Jacevičius]. Это и миф об американской мечте, и в то же время — демифологизация золотого рая.

В романе описываются нечеловеческие условия труда на бывших чикагских бойнях и рассказывается история жизни литовской семьи, живущей в этом районе. Скандальная по тем временам книга вызвала повышенный интерес не только в Америке, но и в Европе — в том же 1906 г. она была переведена на 36 европейских языков, в том числе и на литовский. В Чикаго вышло 2 издания романа — в 1908 и 1912 гг., а в Литве он был издан в 1942 г.

В Чикаго, на перекрестке улиц 42-й и Хальстед, сохранились ворота бойни, на которых установили памятную доску, напоминающую о том,

как в начале XX в. литовцы, наряду с представителями других народов, тысячами приходили сюда в поисках лучшей жизни. На этой доске по-английски написано: «В романе Эптона Синклера “Джунгли”, изданном в 1906 г., описаны ужасающие условия труда за воротами этих боен. История борьбы литовского эмигранта Юргиса Рудкуса за свое человеческое достоинство, рассказанная в произведении, “разбудила” страну, ускорила развитие профсоюзов и подтолкнула власти к принятию Закона о доброкачественности пищевых продуктов и медицинских препаратов. Это место считается литературным памятником». Текст подписали Американская библиотечная ассоциация, Иллинойский книжный центр, общественные организации, потомки автора романа и Совет литовцев Америки.

Роман «Джунгли» — самое известное произведение Эптона Синклера. В нем писатель на примере чикагской бойни показал условия труда работников мясной промышленности США. По словам эмигрантских критиков, созданный романистом образ этого мира оказался настолько убедительным и вызвал такой ужас, что это потрясло не только читателей, но и высокопоставленных политиков [Musteikis].

Главный герой романа Юргис Рудкус в начале XX в. с семьей из 12 человек приехал в Америку, «страну грез», в поисках счастья. За 3 года из-за крайне жестоких условий жизни и труда некоторые члены семьи умерли, другие скатились на самое дно жизни, и только Юргис Рудкус остался несломленным. В романе Э. Синклера нет литовцев, нашедших счастье в Америке. Выживает в итоге лишь Юргис Рудкус, связавший свою жизнь с социалистическим движением.

В своих воспоминаниях и автобиографии Э. Синклер (1878–1968) рассказывает, что подтолкнуло его к написанию «Джунглей» и почему главным героем он сделал литовца. После окончания Колумбийского университета (Нью-Йорк) ему, журналисту, предложили сделать репортаж и рассказать об условиях труда на чикагских бойнях. Осенью 1904 г. он прибыл в Чикаго. Вечера Э. Синклер проводил в домах работников, слушая и записывая их истории, а днем бродил по территории бойни, становясь живым свидетелем тамошней реальности. Писатель беседовал с представителями разных слоев общества, и спустя месяц у него уже было достаточно материалов для статьи. Однако Э. Синклер решил создать об этом художественное произведение. Случайно оказавшись на литовской свадьбе, он нашел там прототипы для своего будущего романа [Sinclair 1962].

В «Джунглях» Э. Синклер показывает, как менялся этнический состав работников чикагских боен. Первыми там закрепились немцы, но после снижения зарплаток они уволились. Их места заняли ирландцы, которые после массовой забастовки тоже отказались от этой работы. Им на смену пришли чехи, потом поляки, которых «выдавили» тысячи литовцев. Последними в этом ряду оказались словаки.

Другие книги Э. Синклера — например, «Метрополис» (другой вариант названия в русском переводе — «Столица») (*The Metropolis*, 1908) о жизни Нью-Йорка, «Нефть» (*Oil*, 1927), «Бостон» (*Boston*, 1928) — тоже написаны с использованием журналистского метода сбора фактов. Синклер написал около 70 произведений, но реализм «Джунглей» оказался непревзойденным. Этот роман и по сей день остается в школах США обязательным для прочтения.

В начале 30-х гг. XX в. Э. Синклер считался одним из наиболее вероятных кандидатов на Нобелевскую премию, но лауреатом он не стал. Его кандидатура рассматривалась именно в связи с романом «Джунгли», но произведение оценили не столько за литературное мастерство писателя, сколько за пристальное внимание автора к проблемам социального неблагополучия. В 1942 г. роман Э. Синклера «Зубы дракона» (*Dragon's Teeth*, 1942), рассказывающий о зарождении нацизма, принес автору Пулитцеровскую премию.

Художественная убедительность, с которой Э. Синклер показал в «Джунглях» невыносимые условия труда работников и нарушающий всякие гигиенические нормы процесс производства, «спровоцировала» определенные практические результаты. Американские власти во главе с президентом Т. Рузвельтом без промедления приняли Закон о доброкачественности пищевых продуктов и медицинских препаратов. Писатель прежде всего был заинтересован в улучшении условий труда и жизни людей, однако власти были гораздо больше обеспокоены доброкачественностью мясных продуктов. В некоторых странах роман был воспринят именно так. Например, в Германии и Великобритании сразу после выхода книги были введены высокие пошлины на ввоз мяса из Америки, что привело к обвальному падению спроса на произведенные в США мясные консервы. Для американцев роман Э. Синклера стал переломным. Биограф писателя Леон Харрис отмечал в 1975 г., что это самый значимый американский роман. Не лучший, а значимый — в смысле воздействия на общество [Jaskevičius].

Мир «джунглей» чикагских боен и попытки литовцев «приручить» негостеприимный край описывали и писатели второй волны эмиграции, например, Але Рута в романе «Первые на чужбине» (*Pirmieji svetur*, 1984). В этом произведении, как и в романе Э. Синклера, рассказывается о жизни литовских иммигрантов в Америке конца XIX — начала XX в.

2. Произведения литовско-американских авторов.

Очевидно, что художественных произведений мирового значения эмигранты последних волн эмиграции пока не создали. Но в Интернете и литовских СМИ более чем достаточно рассказов о том, насколько успешно (или неуспешно) складывается жизнь литовцев в «стране грез». Конечно, появятся об этом и романы, но скорее всего их напишут сами литовцы.

А пока американскую и литовскую литературу связывает новый феномен: литература о Литве, ее культуре и истории создается писателями литовского происхождения, но не на литовском языке (чаще всего на английском и, как правило, в Северной Америке). Можно упомянуть такие произведения, как «Покупки в кредит» (*Buying on the Time*, 1997) Антанаса Шилейки, «Объятие» (*The Embrace*, 1999) Ирены Мачюлите-Гилфорд, «Рожденная быть свободной» (*Born for Freedom*, 2008) Лины Жилените, «Белое поле, черная овца» (*White Field, Black Sheep*, 2010) Дайвы Маркялис, «Заблудшие птицы» (*Lost Birds*, 2015) Бируте Путрюс.

Как пример литературы иного типа, создаваемой в Америке авторами литовского происхождения, стоит назвать детективную серию Джо Дереске «Мисс Жукас» (*Miss Zukas*, 1994), поэтический сборник Лины Рамоны Виткаускас «Неоновое свидание» (*A Neon Tryst*, 2013), роман Сильвии Фоти (*Skullduggery*, 2002), серию фантастических романов Альгиса Будриса «Лукавая луна» (*Rouge Moon*, 1960, etc.) и др., эссе «Прочь из сада» Джозелин Барткявичюс, поэтические тексты и эссе Раймондаса Филипо (Филипавичюса), Дали Янавичюте и др. авторов, создаваемую Юлией Шукис литературу *памяти, свидетельств* (*Silence Is Death. The Life and Work of Tahar Djaout*, 2007; *Epistolophilia: Writing the Life of Ona Simate*, 2012), романы Лаймы Винце (*Lenin's Head on a Platter. An American Student's Diary from the Final Years of the Soviet Union*, 2008; *This is not my skin*, 2017), Бируте Путрюс (*The Last Book Smuggler*, 2018). Книги многих из этих авторов попадают в рейтинги самых читаемых книг Северной Америки. К примеру, романы А. Шилейки включены в список 100 лучших канадских книг всех времен, фантастические романы А. Будриса номинированы на многие престижные литературные премии США и т. д. Следует обратить внимание на то, что английские тексты, создаваемые авторами литовского происхождения, издаются в Америке и их адресат — это прежде всего американский, а не литовский читатель.

3. «Выбираю язык творчества».

Внимание участников и посетителей Вильнюсской международной книжной ярмарки в 2017 г. было сосредоточено на знаках присутствия литовцев в мире. В дискуссии «Выбираю язык творчества», организованной в рамках этой ярмарки, приняли участие писатель Валдас Папиевис из Франции, эссеистка Даля Стапонкуте с Кипра, литературовед профессор Виолетта Келертас и прозаик Бируте Путрис из США. Больше всего их волновал вопрос: на каком языке «думается», какой язык в творчестве является первым — родной литовский или «воспринятый», «взращенный». «Пишу по-литовски, но чувствую, что это не “cool”, когда говорю по-литовски — не могу высказать, выразить всех нюансов», — утверждает профессор В. Келертас, которую увезли в США в возрасте неполных двух лет. Она признается, что самое важное для нее сегодня — не обучить своих

внуков литовскому языку, а формировать их литовскую идентичность через укоренение в истории, понимание политики, через связь людей с тем, что пришлось пережить их родителям, бабушкам и дедушкам. «Литовская идентичность — это не только язык» [Gimbutaitė].

Возникает вопрос о месте англоязычной литературы: где оно — в литературном процессе и истории Литвы или в истории других стран? Хотя, например, романы-бестселлеры Антанаса Шилейки, Руты Шепетис уже вписаны в историю литовской литературы (не только в литературу США и Канады). Об изменении литературного ландшафта свидетельствует значительный массив писателей, создающих и публикующих книги в Америке. Как правило, это творческое наследие авторов, покинувших Литву после Второй мировой войны. Им на смену пришло младшее поколение тех, кто родился уже в Америке, чьим родным языком стал английский, а литовский для них — это язык их предков, но не их самих.

Для авторов, писавших и / или пишущих в рамках диаспоры, точкой отсчета стала трехчленная структура: *земля, язык, история*. Человек, оказавшийся в пространстве другой культуры, в обществе с другим историческим опытом словно раздваивается. В его сознании кристаллизуется внутренняя коллизия между *Я-бывший* и *Я-уже другой*. По утверждениям исследователей эмигрантской идентичности, проблема «двух личностей в одном человеке» зарождается с первого дня эмиграции, влияя на структуру человеческой психики, ее социальный и культурный опыт. Адаптироваться в стране, давшей им приют, разным людям удастся по-разному. Одни могут использовать в своей творческой деятельности сокровищницу родного языка. Другие по разным причинам отказываются от него в пользу другого языка. Эти авторы закрывают дверь в прошлое, хотя не всегда могут от него освободиться. Они по-иному смотрят и на свою родную, покинутую землю (или землю предков). Для них представление о доме включает в себя «выкорчеванное место», поэтому дом создается, творится заново, но не столько как место, сколько как идея. В текстах некоторых авторов пространство родного дома, история своей страны, язык предков все еще остаются основными факторами идентичности, а тоска (ностальгия) (или демонстративное ее отрицание) — основной толчок, «двигатель» идентификации. Дайва Маркялис с книгой воспоминаний «Белое поле, черная овца» вписывается в круг авторов, создающих в Америке тексты мемуарного характера. «Я росла в литовском квартале Цицерио в Иллинойсе, по-литовски разговаривала с родителями, посещала субботнюю литовскую школу и скаутский лагерь. Молилась тоже по-литовски. Если бы тогда, когда я училась в 6-ом классе средней школы, кто-нибудь спросил меня, кто я по национальности, я бы, нисколько не сомневаясь, ответила: “Стопроцентная литовка”. Когда я пошла в гимназию, то поняла, что это счастье — родиться в процветающей стране, в которой ува-

жают свободу слова. Я почувствовала себя не только литовкой, но и американкой. Я принадлежу двум культурам. Благодаря своему литовскому происхождению, я пристально слежу за глобальной политикой, пытаюсь сравнивать разные политические системы. Интерес к поэзии и искусству объясняется пережитым в юности соприкосновением с литовской поэзией и искусством. Люблю литовскую еду, даже зная, что она не очень полезна для крови и сосудов. Однако не меньше люблю и американскую культуру, она более открыта для разных типов мышления, более склонна к авантюрам и более оптимистична» [Markelis].

Роман Бируте Путрюс «Заблудшие птицы» словно соткан из подобных житейских историй литовцев, покинувших родину после Второй мировой войны. Эта книга была представлена на Вильнюсской книжной ярмарке в 2017 г. На вопрос, что вдохновило ее на создание романа, автор ответила: «Мне стало очень грустно. Я вспомнила самые разные вещи из своего детства, своей жизни в парке Маркетт и поняла, что должна написать об этом роман. Писала так, чтобы его могли читать и американцы. Чтобы они могли понять, что пришлось пережить нашим соотечественникам, приехавшим в чужую страну» [Petrauskienė].

Роман «Поиски луны в сахаре» (*Finding the Moon in Sugar*, 2009), созданный писателем младшего поколения Каролисом Гинтарасом Жукаускасом, пишущим под псевдонимом Гинт Арас, попал в список лучших книг 2009 г., изданных малыми издательствами США. Следующий его роман «Фуга» увидел свет в 2016 г.

В основе первого романа «Поиски луны в сахаре» — история необразованного жителя чикагского предместья, которого поиски любовницы неожиданно приводят в Вильнюс. Герой второго — чикагский скульптор, обвиненный в убийстве своей матери, этнической литовки. Отвечая на вопрос о своей литовской идентичности, автор сказал: «Если бы литовская идентичность не была для меня важна, по-литовски я бы не говорил, в Литву не приезжал, детей литовскому языку не обучал. Но в своей литовской идентичности я не выделяю такие составляющие. Я родился в Америке, жил в Австрии, работал в Канаде и на Кубе, закончил университет в Нью-Йорке. Моя жена — украинка. Я не выделяю себя из окружающего мира, исходя из своей литовской идентичности. Она дает мне возможность пообщаться с людьми, которые бы в других условиях были для меня недоступны. В этом ее истинная ценность» [Antanavičius].

И все же как ответить на вопрос о месте текстов литовско-американских авторов, т. е. текстов, которые актуализируют противоречия двух культур, двух пространств, двух языков, а зачастую и травму, порожденную двойной идентичностью. Литературе какой страны принадлежат произведения, в которых авторы — этнические литовцы (свое происхождение они все время подчеркивают, от него не отказываются, не отрекаются),

чтобы выразить свою идентичность и отношения с Другим, прибегают к жанру фантастики, иронической стилистике, создают комические ситуации или детективную игру, вступают в гротескно трансформированные отношения с постсоветским пространством и национальной идентичностью? В какую — литовскую или американскую — традицию вписываются эти тексты, в которых почти не осталось никаких проявлений литовскости, кроме имен и фамилий самих авторов и / или главных героев или места действия (Литва)? Где место такой литературы? Наверное, где-то между Литвой и Америкой. А может, все же больше *там*, чем *здесь*?

4. «Литва разбредается по миру».

Американская мечта, стремление начать новую жизнь за Атлантическим океаном остаются важными и для писателей, пишущих в Литве. Например, в романе Бируте Йонушайте «Танго белых молний» (*Baltų užtrauktukų tango*, 2009) эмигрантский опыт изображается через судьбы нескольких героев. Их истории (подчеркивается, что у них есть реальная основа) сплетаются в один общий нарратив, где правду фактов трансформирует фикция.

Главный персонаж романа — Лайма — современная образованная женщина нашего времени, которую приглашают для чтения лекций в США, в Питсбург. Опыт Лаймы в «стране мечты» дополняют опять-таки настоящие, реальные письма Марии, переживания других женщин в Америке. Б. Йонушайте тему эмиграции раскрывает именно на женском опыте, одновременно отыскивая и общий экзистенциальный знаменатель, делая воображаемый мир более конкретным за счет своих личных подлинных воспоминаний о путешествиях в США и Канаду. Таким образом, роман становится полифоническим, многоголосым, а его по-своему как бы скрепляет печатью, подтверждает документированная часть книги — разговоры и воспоминания реальных эмигрантов. В ткань романа, в историю Лаймы, которую мы все же читаем как фикцию, вплетены и вырезки из печати. Критики упоминают, что эта книга, «<...> словно реалити-шоу, действующие лица которого стараются в трудных условиях создать свои человеческие роли, защитить ценность личности...» [Tamošaitis].

В романе Б. Йонушайте исчезающая, рассеивающаяся тень родной страны, родного края выражается в драматических женских судьбах. Традиционно женщина является стабилизирующим культуру, защищающим ее этническое своеобразие фактором, но сегодня, по словам рецензента книги доцента Регимантаса Тамошайтиса, «Литва разбредается по миру как раз больше всего через женщин, для которых на родине словно больше нет места. Отправляясь по миру за деньгами (чего же еще там хотеть?), с собой они забирают культурную память, этническое мировоззрение, опыт старой деревни — как последнюю опору личности. Однако это этническое своеобразие, эта “литовскость” в мире космополитичного капитала стано-

вится очень эфемерной, ее поддерживает только субъективное воображение эмигранта. Скажем даже, чем человеку хуже на чужбине, тем он более «литовский». «Литовскость» по другую сторону границ этнической Литвы не более чем феноменология субъективной чувствительности, своеобразные очки души, защищающие душу ищущего счастья человека от яркого блеска коммерческого мира» [Tamošaitis].

Страна Америка отличается тем, что в нее попадают навсегда. По словам одного из персонажей книги, «здесь есть выражение: из Америки как с кладбища: никто не возвращается». Однако из простора родной мысли протагонистка романа так и не сумела вырваться.

В романе Б. Йонушайте аксиологические аспекты национальной идентичности неизбежно связаны с открытиями женской идентичности. Одна ночь в аэропорту Портланда, проведенная с почти мистическим мужчиной из ледяных краев — Карлосом Каем, — меняет всю жизнь Лаймы. Вернувшись в Литву, в Вильнюс, она оставляет мужа Ромаса, в одиночку решает растить плод той знаменательной ночи — сына Кая. Когда сын подросток, она вновь возвращается в Соединенные Штаты Америки. Там встречает американца Ричарда, создает новую семью и может радоваться прелестям американской жизни. Сын становится студентом престижного американского университета, но ввязывается в драку, и его осуждают на 18 лет тюрьмы за участие в убийстве.

Сильный мужчина, раскрывающий Лайму как женщину, — не литовец, а мистический испанец, скиталец с особенной душой, встреченный в аэропорту, — Карлос Кай. Ричард — дитя итальянки и литовца, своеобразный культурный гибрид, словно синтетический мужчина.

Выводы. Роман Э. Синклера остается важнейшим контекстным произведением литовско-американских авторов не только в тематическом, но и в жанровом, а также в стилистическом отношении. Англоязычных авторов отличает документальность повествования, реалистичность стиля, наличие автобиографического сегмента. Литература, создаваемая англоязычными этническими литовцами, демонстрирует новый сдвиг: снижение роли языка, на котором создавалась (и создается, конечно) литература. Вместе с тем эта литература, которая читается и осмысливается в англоязычных странах, малоизвестна или совсем неизвестна в Литве именно по причине языкового барьера. Романы, создаваемые авторами литовского происхождения на английском языке, издаются в Америке, и их адресат — это прежде всего американский, а не литовский читатель.

Найти и снова определить свой центр для эмигранта обозначает существенный выбор. Современная литовская эмигрантская литература свидетельствует о том, что этот центр еще не найден и не определен. Оставлены своя страна, дом, ставшие уже чужими, однако домом не становится и чужой край, он не одомашнивается. Поэтому зачастую немного

романтизированная идиллия эмигранта сменяется нотой жалобы, недовольства, разочарования. Миф о хорошей жизни рушится как в своей, так и в чужой стране.

Суть эмигрантской идентичности — расстаться с прошлым и установить и создать новое *Я*. Не рассчитавшись с прошлым, невозможно стать, быть кем-то другим. Так в современной эмигрантской (создаваемой женщинами) литературе пытаются это делать. Вопрос, осложняющий проблему идентификации, — какое *Я* хотят видеть, какое новое, другое *Я* хотят создать. Таким образом, на смену писателям, для которых основой традиционной национальной структуры ценностей был родной язык, приходят пишущие **не** на литовском (чаще всего на английском), и другой язык открывает для них новые культурные возможности.

Перевод Ольги Качеревской

Литература

Бурдые П. Социология социального пространства. Институт экспериментальной социологии, Москва / Общая редакция перевода с французского Н. А. Шматко. Санкт-Петербург: Издательство «АЛЕТЕЙЯ», 2007. 149 с. URL: http://socioline.ru/files/5/39/sociologiya_socialnogo_prostranstva.pdf.

Эйдинтас А. Литовская эмиграция в страны Северной и Южной Америки в 1868–1940 гг. Вильнюс: Мокслас, 1989. 217 с.

Antanavičius U. Lietuvių kilmės JAV rašytojas: lietuviai Čikagoje gyvena kaip amerikiečiai, tik klausosi M. Mikutavičiaus // 15min.lt. 2016. gegužės 7 URL: <https://www.15min.lt/kultura/naujiena/literatura/lietuvium-kilmes-jav-rasytojas-lietuviai-cikagoje-gyvena-kaip-amerikieciai-tik-klausosim-mikutaviciaus-286-620139>.

Budrys A. Rouge Moon. New York: Avon Books (NY), 1960. 188 p.

Dereske J. Miss Zukas and the Library Murders (Miss Zukas #1). New York: Avon, 1994. 218 p.

Foti S. Skullduggery. Missoula: Creative Arts Book, 2002. 239 p.

Giddens A. Modernybė ir asmens tapatumas: asmuo ir visuomenė vėlyvosios modernybės amžiuje / iš anglų kalbos vertė Vytautas Radžvilas. Vilnius: Pradai, 2000. 315 p.

Gimbutaitė M. Kaip kūrybos kalbą renkasi užsienyje gyvenantys autoriai // 15min.lt. 2017. vasario 23 URL: <https://www.15min.lt/kultura/naujiena/literatura/kaip-kurybos-kalba-renkasi-uzsienyje-gyvenantys-lietuvium-autoriai-286-759498>.

Gint Aras. Finding the Moon in Sugar. Boston: Infinity Publishing, 2009. 260 p.

Jackevičius M. Knyga, pakeitusi JAV: apie vargstančius lietuvis ir dešras su žiurkiena. Pokalbis U. A. Sinklerio romano “Džiunglės” tyrinėtoju, Iliojaus universiteto Slavų ir baltų kalbų ir literatūros departamento profesoriumi Giedriumi Subačiumi URL: <https://www.delfi.lt/news/daily/emigrants/knyga-pakeitusi-jav-apie-vargstancius-lietuvis-ir-desras-su-ziurkiena.d?id=59442873>.

Jonuškaitė B. Baltų užtrauktukų tango. Vilnius: Lietuvos rašytojų sąjungos leidykla, 2009. 286 p.

Mačiulytė-Guilford I. The Embrace. Montreal: Guernica Editions, 1999. 150 p.

Markelis D. Interview: Daiva Markelis on memoir // Draft. 2010. № 4. October 8 URL: <https://richardgilbert.wordpress.com/2010/10/08/interview-daiva-markelis-on-memoir/>.

Markelis D. White Field, Black Sheep. Chicago: University of Chicago Press, 2010. 216 p.

Musteikis A. Lietuviškieji “Džiunglių” herojai // Aidai. 1955. Nr. 8. P. 332–382 URL: http://www.aidai.eu/index.php?option=com_content&view=article&id=5919:li&catid=363:8-spalis&Itemid=412.

Petrauskienė V. Knygą apie DP rašė amerikiečiams // Pasaulio lietuvis. 2017 URL: <http://pasauliolietuvis.lt/knyga-apie-dp-rase-amerikieciams/>.

Putrius B. Lost Birds. USA: Birchwood Press, 2015. 288 p.

Putrius B. The Last Book Smuggler. USA: Birchwood Press, 2018. 370 p.

Rūta A. Pirmieji svetur. Chicago: Lietuviškos Knygos Klubas Chicagoje, 1984. 378 p.

Sinclair U. Džiunglės. Vilnius: Aukso žuvis, 2012. 448 p.

Sinclair U. The Autobiography of Upton Sinclair. Harcourt, Brace, & World, 1962. 342 p.

Sukys J. Epistolophilia: Writing the Life of Ona Simaite. Lincoln: University of Nebraska Press; First Edition (US) First Printing edition (March 1, 2012), 2012. 240 p.

Sukys J. Silence Is Death. The Life and Work of Tahar Djaout. Lincoln: University of Nebraska Press, 2017. 202 p.

Šidlauskas M. Kur šiandien yra lietuvių literatūra? // bernardinai.lt. 2014. rugsėjo 8 URL: <http://www.bernardinai.lt/straipsnis/2014-09-08-marijus-sidlauskas-kur-yra-lietuviu-literatura/121593>.

Šileika A. Buying on the Time. Erin: The Porcupine’s Quill, 1997. 232 p.

Tamošaitis R. Išėjusios laimės ieškoti // Metai. 2009. Nr. 12 URL: <http://www.tekstai.lt/rss/570-2009-nr-12-gruodis/5866-regimantas-tamosaitis-isejusios-laims-ieskoti-birute-jonuskaite-baltu-uztrauktuku-tango>.

Truska L. Emigracija iš Lietuvos 1868–1914 metais. Lietuvos TSR MA darbai, serija A, 1(10). Vilnius: Valstybinės politinės ir mokslinės literatūros leidykla, 1961. P. 71–85.

Vincė L. Lenin's Head on a Platter. An American Student's Diary from the Final Years of the Soviet Union. Vilnius: Lietuvos rašytojų sąjungos leidykla, 2008. 186 p.

Vincė L. This is not my skin. New York: Create Space Independent Publishing Platform, 2017. 432 p.

Vitkauskas L. R. A Neon Tryst. Bristol: Shearsman Books, 2013. 84 p.

Žilionytė L. Born for Freedom. Bloomington: AuthorHouse, 2008. 636 p.

References

Burd'e P. Sociologija social'nogo prostranstva. Institut eksperimental'noj sociologii, Moskva / Obsshaya redakciya perevoda s francuzskogo N. A. Shmatko. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo "ALETEJYA", 2007. 149 s. URL: http://socio-line.ru/files/5/39/sociologija_socialnogo_prostranstva.pdf.

Edintas A. Litovskaya emigraciya v strany Severnoj i Yuzhnoj Ameriki v 1868–1940 gg. Vil'nus: Moklas, 1989. 217 s.

Antanavičius U. Lietuvių kilmės JAV rašytojas: lietuviai Čikagoje gyvena kaip amerikiečiai, tik klausosi M. Mikutavičiaus // 15min.lt. 2016. gegužės 7 URL: <https://www.15min.lt/kultura/naujiena/literatura/lietuviu-kilmes-jav-rasytojas-lietuviai-cikagoje-gyvena-kaip-amerikieciai-tik-klausosi-m-mikutavicius-286-620139>.

Budrys A. Rouge Moon. New York: Avon Books (NY), 1960. 188 p.

Dereske J. Miss Zukas and the Library Murders (Miss Zukas #1). New York: Avon, 1994. 218 p.

Foti S. Skullduggery. Missoula: Creative Arts Book, 2002. 239 p.

Giddens A. Modernybė ir asmens tapatumas: asmuo ir visuomenė vėlyvosios modernybės amžiuje / iš anglų kalbos vertė Vytautas Radžvilas. Vilnius: Pradai, 2000. 315 p.

Gimbutaitė M. Kaip kūrybos kalbą renkasi užsienyje gyvenantys autoriai // 15min.lt. 2017. vasario 23 URL: <https://www.15min.lt/kultura/naujiena/literatura/kaip-kurybos-kalba-renkasi-uzsienyje-gyvenantys-lietuviu-autoriai-286-759498>.

Gint Aras. Finding the Moon in Sugar. Boston: Infinity Publishing, 2009. 260 p.

Jackevičius M. Knyga, pakeitusi JAV: apie vargstančius lietuvius ir dešras su žiurkiena. Pokalbis U. A. Sinklerio romano "Džiunglės" tyrinėtoju, Iliinojaus universiteto Slavų ir baltų kalbų ir literatūros departamento profesoriumi Giedriumi Subačiumi URL: <https://www.delfi.lt/news/daily/emigrants/knyga-pakeitusi-jav-apie-vargstancius-lietuvius-ir-desras-su-ziurkiena.d?id=59442873>.

Jonuškaitė B. Baltų užtrauktukų tango. Vilnius: Lietuvos rašytojų sąjungos leidykla, 2009. 286 p.

Mačiulytė-Guilford I. The Embrace. Montreal: Guernica Editions, 1999. 150 p.

Markelis D. Interview: Daiva Markelis on memoir // Draft. 2010. № 4. October 8 URL: <https://richardgilbert.wordpress.com/2010/10/08/interview-daiva-markelis-on-memoir/>.

Markelis D. White Field, Black Sheep. Chicago: University of Chicago Press, 2010. 216 p.

Musteikis A. Lietuviškieji “Džiunglių” herojai // Aidai. 1955. Nr. 8. P. 332–382 URL: http://www.aidai.eu/index.php?option=com_content&view=article&id=5919:li&catid=363:8-spalis&Itemid=412.

Petrauskienė V. Knyga apie DP rašė amerikiečiams // Pasaulio lietuvis. 2017 URL: <http://pasauliolietuvis.lt/knyga-apie-dp-rase-amerikieciams/>.

Putrius B. Lost Birds. USA: Birchwood Press, 2015. 288 p.

Putrius B. The Last Book Smuggler. USA: Birchwood Press, 2018. 370 p.

Rūta A. Pirmieji svetur. Chicago: Lietuviškos Knygos Klubas Chicagoje, 1984. 378 p.

Sinclair U. Džiunglės. Vilnius: Aukso žuvis, 2012. 448 p.

Sinclair U. The Autobiography of Upton Sinclair. Harcourt, Brace, & World, 1962. 342 p.

Sukys J. Epistolophilia: Writing the Life of Ona Simaite. Lincoln: University of Nebraska Press; First Edition (US) First Printing edition (March 1, 2012), 2012. 240 p.

Sukys J. Silence Is Death. The Life and Work of Tahar Djaout. Lincoln: University of Nebraska Press, 2017. 202 p.

Šidlauskas M. Kur šiandien yra lietuvių literatūra? // bernardinai.lt. 2014. rugsėjo 8 URL: <http://www.bernardinai.lt/straipsnis/2014-09-08-marijus-sidlauskas-kur-yra-lietuviu-literatura/121593>.

Šileika A. Buying on the Time. Erin: The Porcupine’s Quill, 1997. 232 p.

Tamošaitis R. Išėjusios laimės ieškoti // Metai. 2009. Nr. 12 URL: <http://www.tekstai.lt/rss/570-2009-nr-12-gruodis/5866-regimantas-tamosaitis-isejusios-laims-ieskoti-birute-jonuskaite-baltu-uztrauktuku-tango>.

Truska L. Emigracija iš Lietuvos 1868–1914 metais. Lietuvos TSR MA darbai, serija A, 1(10). Vilnius: Valstybinės politinės ir mokslinės literatūros leidykla, 1961. P. 71–85.

Vincė L. Lenin’s Head on a Platter. An American Student’s Diary from the Final Years of the Soviet Union. Vilnius: Lietuvos rašytojų sąjungos leidykla, 2008. 186 p.

Vincė L. This is not my skin. New York: CreateSpace Independent Publishing Platform, 2017. 432 p.

Vitkauskas L. R. A Neon Tryst. Bristol: Shearsman Books, 2013. 84 p.

Žilionytė L. Born for Freedom. Bloomington: AuthorHouse, 2008. 636 p.

Сведения об авторе: Жидроне Колевинскене; доктор гуманитарных наук (PhD); доцент; Университет Vytautas Magnus (Литва), доцент Образовательной академии, руководитель группы филологических программ; ORCID 0000-0002-4252-1731; zydronė.kolevinskiene@vdu.lt; сфера научных интересов: анализ текста, современная литература, женская литература, литература диаспоры, литературная компаративистика.

The author's profile: Žydronė Kolevinskienė; PhD (Humanities, Philology); Associate Professor; Vytautas Magnus University (Lithuania); Associate Professor at the Academy of Education, Head of the Philological Programs group; ORCID 0000-0002-4252-1731; zydronė.kolevinskiene@vdu.lt; research interests: text analysis, contemporary literature, women's literature, literature of diaspora, comparative literary studies.